

Изъ заграничной хроники — общественной и литературной.

Анри Мюрже и его типы.

Въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ Парижа рѣшено поставить памятникъ Анри Мюрже, автору напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ“ „Сценъ изъ жизни парижской Богемы“. Въ короткое время удалось собрать на это необходимую сумму. Памятникъ исполненъ скульпторомъ Бульономъ и найдетъ себѣ мѣсто въ Люксембургскомъ саду. На постаментѣ въ 2 метра высоты помѣщается очень похожій портретъ-бюстъ Мюрже. У ногъ его сидятъ Мюзетта и Мими, двѣ героини его „Жизни Богемы“.

Какъ сыну привратника — портного, Мюрже приходилось тоже сдѣлаться портнымъ. Но академикъ Жуи отрекомендовалъ молодого Анри графу Толстому, и Мюрже сталъ называться „секретаремъ русскаго посланника“. Это было въ 1839 г., когда Мюрже минуло 17 лѣтъ. Должность „секретаря русскаго посланника“ давала ему въ мѣсяцъ 40, потомъ 50 франковъ и сюртукъ съ графскихъ плечъ, чтобъ онъ не казался оборванцемъ. Изъ этихъ 50 франковъ Мюрже отдѣлялъ 30 своему больному отцу. Иногда онъ кое-что зарабатывалъ перепиской. Тѣмъ не менѣе онъ не горевалъ. Онъ былъ молодъ и не терялъ надежды на будущее, и имѣлъ не мало молодыхъ друзей, такихъ же бѣдняковъ, какъ и онъ, изъ которыхъ иные потомъ стали знаменитыми. Будучи 20 лѣтъ, онъ написалъ рассказъ, за который получилъ 10 франковъ. Потомъ ему пришлось продать свою мебель за 75 франковъ, а въ апрѣлѣ 1843 г. онъ писалъ: „мы издыхаемъ съ голоду“. Онъ работалъ ночи напролетъ, сочинилъ пьесу и отнесъ ее въ Пале-Рояль. Тамъ ее не приняли. Ни въ чемъ не везло ему. Онъ рѣшилъ, наконецъ, поступить на какой-нибудь корабль матросомъ. Тутъ г-жа Ротшильдъ дала ему 50 фр., его бывшій патронъ Толстой 20 фр. и пальто. Одинъ романъ принесъ ему 125 франковъ, и юмористическое изданіе „Le Corsaire“ открыло ему свои столбцы. Мюрже стало легче дышать:

„отнынѣ я буду приносить домой ежемѣсячно 30—40 франковъ, не стѣсняя себя!“ Но „Сцены изъ жизни Богемы“ дали ему только 25 франковъ.

Онѣ появились сперва въ фельетонѣ „Le Corsaire“ за 1847—48 г., а 22 ноября 1849 г. состоялось въ парижскомъ театрѣ „Variétés“ первое представленіе пьесы, извлеченной самимъ Мюрже изъ „Жизни Богемы“. Несмотря на бури революціи 1848 года, романъ и пьеса обратили на себя общее вниманіе. Мюрже сразу сдѣлался „извѣстнымъ писателемъ“. Число изданій, съ того времени пережитыхъ „Сценами“, необыкновенно велико. И по сіе время этотъ романъ принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ и наиболѣе занимательныхъ книгъ во Франціи, а помянутая пьеса на ту же тему еще не такъ давно въ „Одеонѣ“ нашла себѣ признательную публику, хотя всѣ условія жизни въ Парижѣ сильно измѣнились со временъ Мюрже.

Однако, Мюрже немногимъ легче жилось и послѣ доставшихся ему лавровъ. „Revue des deux mondes“ отводилъ мѣсто его произведеніямъ, но и тутъ его заработокъ не превышалъ 80 франковъ въ мѣсяцъ. Даже тогда 30-лѣтній авторъ „Жизни Богемы“ не могъ ходить въ Парижъ къ своей возлюбленной Мюзеттѣ. Самъ онѣ жилъ въ то время въ деревнѣ Морлоттъ и „не имѣлъ бѣлья“. По той же причинѣ онѣ не встрѣтилъ никакой взаимности со стороны красивой Маргариты Тюилье, создавшей роль Мими въ „Vie de Bohème“, а Мюрже былъ влюбленъ въ нее страстно. Другъ и коллега его Барьеръ взялся замолвить за него словечко жестокосердной артисткѣ. Та возразила: „я не могу его видѣть, онѣ слишкомъ плохо одѣтъ, онѣ похожъ на гороховое чучело“. Тогда Барьеръ отвелъ его къ хорошему портному и одѣлъ его съ головы до ногъ по самой новѣйшей модѣ. Но актриса не проявила благосклонности къ бѣдному пѣвцу Мюзетты. Барьеръ вступился снова, и артистка отвѣтила ему сухо: „теперь я нахожу его еще безобразнѣе, теперь онѣ похожъ на куклу для мѣрки портныхъ“.

Мюрже нанималъ въ Парижѣ маленькую квартиру за 100 фр. въ годъ. Своей Мюзеттѣ онѣ писалъ 14 марта 1855 г.: „тебѣ еще придется прибавить кусочекъ къ своему терпѣнію и къ своему... платью, если оно сносилось... я работаю день и ночь“. Въ ноябрѣ 1859 г. ему хотѣлось провести съ Мюзеттой веселый день, „если-бы онѣ въ 5 часамъ нашель случайно на улицѣ 20 франковъ“. Затѣмъ онѣ въ шестой разъ попадаетъ въ больницу, гдѣ „ему уже вовсе не противно“; „какъ-бы ни была плоха ѣда тамъ, она вдесятеро лучше, чѣмъ

какую я самъ могъ добыть себѣ; иногда я требую супъ дважды, трижды“. Последняя воля, заявленная Мюрже одному другу, звучитъ такъ трогательно: „меня отправляютъ въ Дюбуа. Мнѣ пріятнѣе было-бы Сень-Луи, тамъ чувствуешь себя уютнѣе“. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ лечебницѣ Дюбуа.

Литературный багажъ Мюрже довольно значителенъ для писателя его лѣтъ. Ему не было и 38 лѣтъ, а онъ написалъ уже 11 томовъ и сочинилъ три комедіи. Но его многочисленныя пѣсни и стихотворенія не превышаютъ уровня посредственности. Рассказы и романы его, за исключеніемъ „Scènes de la vie de Bohème“ теперь едва-ли читаются. Дѣйствительную и вѣковѣчную славу его имени доставили только „Сцены изъ жизни парижской богемы“. Пѣвецъ богемы работалъ медленно, отдѣлывалъ каждую фразу. Матеріально онъ терпѣлъ отъ этой медленности, но онъ предпочиталъ стѣсненныя обстоятельства добровольному несовершенству формы.

Горькой ироніей отзывается замѣчаніе Вильмесана, издателя „Figaro“, который выходилъ тогда всего разъ въ недѣлю: „Мюссе имѣлъ за своимъ гробомъ всего 30 человѣкъ, Мюрже—за своимъ всѣхъ знаменитостей своего времени“. Тогда же Вильмесану пришла мысль въ ближайшемъ номерѣ „Figaro“ напечатать имена всѣхъ бывшихъ на похоронахъ Мюрже.

Обычай этотъ привился и подтверждаетъ пресловутый практической совѣтъ, кѣмъ-то нѣкогда высказанный: „если вы хотите стать извѣстнымъ, то начинайте присутствіемъ на похоронахъ почтенныхъ людей. Ваше имя прочтется въ газетахъ“.

* * *

Для читавшихъ „Сцены изъ жизни парижской Богемы“ уже изъ сказаннаго видно, что эти сцены вдохновлены непосредственно условіями жизни самого Мюрже. И дѣйствительно, теперь доподлинно извѣстно, что главныя дѣйствующія лица въ романѣ и пьесѣ, извлеченной изъ него, а равно и добрая половина всѣхъ рассказанныхъ тамъ приключеній взяты прямо изъ жизни. Объ этомъ писалъ не разъ покойный Шамфлери, другъ Мюрже, да и самъ прототипъ Шаннара „Сценъ“—Александръ Шаннъ рассказывалъ о томъ же подробно.

Въ періодъ знакомства своего съ Мюрже, въ 1841 году, Шаннъ былъ художникомъ. Онъ занималъ тогда маленькую мастерскую въ улицѣ дю-Фуарръ, въ латинскомъ кварталѣ, увлекаясь въ одно и то же время живописью и музыкой, разыгрывая на клавикордахъ, работы 1782 года, пріобрѣтенныхъ за 30 франковъ. Сосѣдомъ у него былъ литографъ Ноэль, занимавшійся своимъ дѣломъ лишь настолько, чтобы не умереть

съ голоду, большую же часть времени посвящавшій на сочиненіе трагедій, которымъ никогда не суждено было попасть на подмостки. Онъ былъ худъ, какъ скелетъ, высокъ ростомъ и желтъ, и обладалъ настоящей гривой. По вечерамъ у него часто собирались студенты и молодые художники, рукоплескавшіе его стихотвореніямъ, которыя онъ читалъ имъ голосомъ, потрясавшимъ стѣны.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ въ тѣсной комнаткѣ появился и Мюрже, принадлежавшій къ числу поклонниковъ Ноэля. Ему не было еще тогда 20-ти лѣтъ, тщедушный, застѣнчивый. Мюрже всецѣло преклонялся передъ Викторомъ Гюго, авторомъ „Notre Dame de Paris“, и, глядя на этотъ соборъ, какъ разъ виднѣвшійся изъ оконъ мастерской, написалъ вдохновенный гимнъ, посвященный поэту. Шаннъ, только что нанявшій новую квартиру въ отелѣ de-Sens, пригласилъ Мюрже на новоселье. Благодаря этому, у нихъ завязалось болѣе близкое знакомство, продолжавшееся вплоть до самой смерти Мюрже. Оригинальная личность и оригинальный образъ жизни Шанна доставили Мюрже богатый матеріалъ для его литературныхъ работъ.

Молодой художникъ и музыкантъ существовалъ, участвуя въ оперныхъ хорахъ въ качествѣ баса. Играть на роялѣ онъ выучился самъ, на вышеупомянутыхъ клавинофордахъ, по нотамъ, приобрѣтеннымъ отъ старьевщика. Необходимой бѣглости въ пальцахъ достигъ совершенно случайно. На одной изъ его квартиръ, гдѣ онъ частенько цѣлыя ночи проводилъ за роялемъ, нѣкій преподаватель греческаго языка, жившій съ нимъ по сосѣдству, сталъ на него жаловаться и, черезъ посредство полиціи, обязалъ ограничить его упражненія пальцевъ промежуткомъ отъ 6 часовъ утра до 10 часовъ вечера. Это до того разгнѣвало молодого художника, что онъ рѣшилъ извести ябедника гаммами, которыя съ той поры безъ устали, по цѣлымъ днямъ, извлекалъ изъ стараго разбитаго инструмента. Чѣмъ сильнѣе гнѣвался несчастный профессоръ, чѣмъ грознѣе разражался онъ бранью въ окно, тѣмъ усерднѣе упражнялся Шаннъ. Утомивъ, наконецъ, свою жажду мести, онъ въ удовольствію своему, замѣтилъ сдѣланные имъ успѣхи. Ведя знакомство съ Огюстомъ Витю и Мариусомъ Юпаромъ, тогда еще молодыми людьми, Шаннъ продолжалъ музыкальныя свои занятія. Послѣ фортепіано онъ научился играть на віолончели, а затѣмъ на тромбонѣ. Изъ обоихъ инструментовъ онъ извлекъ матеріальную пользу, участвуя въ оркестрѣ, причемъ сблизился съ извѣстнымъ впослѣдствіи композиторомъ Метра. Съ послѣд-

нимъ, такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ и онъ самъ, Шаннъ нерѣдко завтракалъ у себя на квартирѣ. Провизію и уголь оба приносили въ карманахъ. Метра, ходившій всегда во фракъ, доставлялъ мясо. Упражненія на тромбонѣ Шаннъ производилъ зимой въ нетопленной комнатѣ, а лѣтомъ, въ виду сильной жары, прикрывался однимъ только дамскимъ маскараднымъ костюмомъ съ блестками.

Однажды вечеромъ онъ замѣщаль одного пріятеля тромбониста въ провинціальномъ театрѣ, играя совершенно незнакомую ему музыкальную пьесу. Онъ исполнялъ свою партію безъ особыхъ затрудненій. Въ концѣ, когда всѣ остальные инструменты уже смолкли, нотный листокъ его указывалъ ему еще нѣсколько тактовъ, которые онъ и протрубилъ съ полной экспрессіей. Тѣмъ сильнѣе было его изумленіе, когда онъ замѣтилъ гнѣвъ капельмейстера при этихъ тактахъ и приказаніе замолчать. Остальные музыканты готовы были прыснуть со смѣху. Въ антрактѣ выяснилось, что неизвѣстные такты добавлены были воробьями.

Самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ для Шанна было воспоминаніе о 1848 годѣ, когда онъ состоялъ членомъ большого городского оркестра, каждый вечеръ игравшаго передъ Ратушей и затѣмъ получавшаго обильное угощеніе отъ мэра. Пиша первые отрывки „*Vie de Bohème*“, Мюрже прозвалъ веселаго художника Шаннаркомъ. Вслѣдствіе опечатки отсюда явился Щонарь,—имя, такъ и оставшееся за Шанномъ.

Художникъ Марсель составленъ Мюрже изъ двухъ различныхъ прототиповъ—художника Лазара и другого—по имени Тавара. Первый былъ человѣкъ со средствами, жившій вмѣстѣ съ своимъ братомъ въ собственномъ домѣ и располагавшій возможностью вполне отдаваться своему искусству. Но у него была страсть къ бродягамъ и къ страшно грязнымъ, подозрительнымъ трактирамъ. И потому каждый день послѣ обѣда онъ проводилъ съ своими пріятелями въ питейномъ заведеніи, помѣщавшемся въ улицѣ St.-Jacques и посѣщавшемся ветошниками.

Пили тамъ стоя, такъ какъ на одной скамьѣ у стѣны могли сѣсть всего нѣсколько человѣкъ. Если какой-нибудь изъ ободранныхъ, засаленныхъ завсегдатаевъ начиналъ черезчуръ шумѣть, его выталкивали на улицу безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Лазарь вмѣстѣ съ своей компаніей обсуждали тутъ, стоя, вполголоса, политическіе и художественные вопросы дня. Не одна проказа, воспроизведенная затѣмъ на сценѣ въ Сорбоннѣ или другихъ мѣстахъ, зарождалась именно тамъ. Мюр-

же также иногда появлялся тутъ, но онъ никогда ничего не пилъ кромѣ ставана *cassis* съ водой. Возвращаясь домой, вся компанія нерѣдко отправлялась гуськомъ по улицамъ квартала. Любимымъ мѣстопребываніемъ Лазара былъ еще трактиръ, куда ходили обѣдать рабочіе, выгребавшіе изъ Сены песокъ ковшами. Эти люди сидѣли обыкновенно вокругъ стола, снявъ рубахи и обнаживъ загорѣлыя туловища. Другимъ излюбленнымъ мѣстомъ была комната одной стряпухи, специально жарившей дичь и обитавшей въ улицѣ *Dauphine*. Вслѣдствіе сходства ея съ невѣсткой Карла X, ее прозвали герцогиней Беррійской.

Таваръ былъ очень талантливый художникъ, геркулесовской силы, двумя пальцами подымавшій ружье за остріе штыка и какъ-то одолѣвшій цѣлую шайку бродягъ. У него была страсть къ ночнымъ прогулкамъ съ знакомыми въ окрестностяхъ города, гдѣ на разсвѣтѣ изъ принесенныхъ съ собой припасовъ они устраивали себѣ завтракъ, разводя огонь на открытомъ воздухѣ. Мюрже всегда бралъ съ собой на эти прогулки акварельныя краски и дѣлалъ наброски, другой пріятель услаждалъ лагерь игрой на флейтѣ. Таваръ всегда продѣлывалъ эти ночныя прогулки во фракѣ — любимомъ своемъ костюмѣ. Съ картиной „Переходъ евреевъ черезъ Чермное море“ у него вышелъ вазусъ, послужившій сюжетомъ для Мюрже. Онъ задумалъ и началъ картину въ большихъ размѣрахъ, а денегъ на модели и аксессуары для картины не было. И вотъ „Переходъ евреевъ“ онъ обратилъ въ Ніобу, оплакивающую дѣтей своихъ, убитыхъ Аполлономъ и Діаной. Разные пріятели позировали ему для изображенія груди труповъ, причемъ имъ доставляло большое удовольствіе впоследствии, когда картина была на выставкѣ, выискивать свои трупы изъ четырнадцати, представленныхъ на картинѣ. Художникъ усердно работалъ на избранномъ имъ пути и скончался въ довольно преклонныхъ лѣтахъ.

Философъ Коллине родился точно также изъ двухъ прототиповъ. Первымъ послужилъ нѣкій ученый благочестивый богословъ Жанъ Валлонъ, оставившій послѣ себя не мало религіозныхъ сочиненій. Другимъ прототипомъ явился философъ Трападуксъ. Жанъ Валлонъ былъ средняго роста и отличался роскошными волосами, съ которыми едва могъ справиться. Онъ всегда ходилъ въ широкополой шляпѣ и въ поношенномъ сюртукѣ, и вѣчно таскалъ при себѣ множество старыхъ книгъ. Другъ его Трападуксъ былъ высокій ростомъ, сухой и костлявый человекъ, съ рѣзкими чертами и смуглымъ цвѣтомъ лица. Онъ носилъ узкополую шляпу, совершенно вы-

двѣтшее, нѣкогда зеленое пальто и, подобно Валлону, страдалъ страстью къ старымъ книгамъ. Онъ питался всегда въ „Café Momus“, извѣстномъ студенческомъ притонѣ, гдѣ хозяинъ, изъ особаго къ нему расположенія, откладывалъ спеціально для него лучшее вино. На какія средства онъ жилъ, этого никто не зналъ, самую квартиру свою онъ тщательно скрывалъ. Только однажды случайно одинъ изъ его друзей заглянулъ въ маленькую комнатку, биткомъ набитую книгами.

Валлонъ также любилъ накидывать таинственное покрывало на свою жизнь. Такъ, каждый вечеръ въ извѣстный часъ, онъ уходилъ изъ „Café Momus“, причемъ любопытнымъ пріятелямъ ни разу не удалось дознаться, куда онъ отправлялся. Молодежь воображала, что онъ каждый вечеръ посѣщаетъ какую-то даму. Напротивъ того, Валлонъ былъ скромный малый и проживалъ съ своей матерью на тихомъ Isle St-Louis. Онъ былъ поклонникъ классической музыки, такъ какъ, по его выраженію, отъ нея пахло старыми засаленными книгами. Къ великому удовольствію другихъ, онъ любилъ по вечерамъ въ „Café Momus“ вести съ Трападуксомъ философскіе диспуты. Столь-же спокойно и тихо, какъ онъ жилъ, онъ и скончался на восьмидесятомъ году отъ роду.

Барбемушъ есть ядовитая карриатура на писателя и музыканта Шарля Барбара, оставившаго не мало произведеній. Благодаря квакерской своей внѣшности, своей замѣнутости и серьезному лицу, первое впечатлѣніе бывало для него не особенно выгодно. Но кто узнавалъ его ближе, тѣ любили его. Онъ былъ сперва учителемъ въ школѣ, затѣмъ, въ періодъ знакомства его съ Мюрже, — домашнимъ наставникомъ у Друэнь-де-Люисъ. Съ завсегдатаями Café Momus онъ встрѣчался только случайно, и, кромѣ Шанна, съ которымъ онъ раздѣлялъ страсть къ музыкѣ, ни съ кѣмъ близко не сошелся. Благодаря нѣкоторымъ романамъ онъ стяжалъ себѣ популярность и впоследствии женился на одной очень образованной молодой дамѣ. Супружество его, отъ котораго у него народилось двое дѣтей, было весьма счастливое. Въ 1865 году холера похитила его жену и одного ребенка. Несчастный поэтъ съ отчаянія заболѣлъ горячкой и выбро- сился изъ окна.

Слуга Баптистъ, появляющійся въ романѣ всего однажды, но въ пьесѣ играющій болѣе значительную роль, списанъ съ различныхъ оригиналовъ слугъ, встрѣчавшихся въ дружескомъ кругу. У самого Мюрже былъ дядьба, Шаннъ держалъ у себя лакея, когда жилъ вмѣстѣ съ Шамфлери, да еще такого дряхлаго инвалида, что тотъ едва волочилъ ноги, и

имѣя надобность въ какомъ-нибудь предметѣ, приходилось прежде всего самому сунуть ему въ руку этотъ предметъ.

Въ лицѣ Родольфа Мюрже изобразилъ самого себя. Сначала попробовалъ онъ свои силы въ искусствѣ, хотя и безъ особаго успѣха. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ лелѣялъ намѣреніе сдѣлаться морякомъ. О томъ, какъ жилъ онъ литературой, сказано выше.

* * *

Женскія героини въ „*Vie de Bohème*“ также почерпнуты изъ дѣйствительной жизни. Мими это—копія съ одной дамы, близко къ Мюрже стоявшей, съ которой онъ познакомился, какъ съ подругой своей кузины, дочери его дяди, печника. Она продолжала отношенія съ поэтомъ и послѣ своего замужества и иногда, замаскировавшись, посѣщала съ нимъ оперные балы. Другія черты онъ заимствовалъ у другой дѣвушки, долго его интересовавшей. Это было симпатичное и настоящее парижское явленіе, но легкомысленное и безнравственное. Она измѣняла Мюрже съ полной откровенностью и веселилась отъ души, когда пріятели его дѣлали ей выговоры. Она умерла въ больницѣ отъ чахотки. Послѣднимъ ея желаніемъ, желаніемъ, которое она лелѣяла въ теченіе многихъ лѣтъ, было имѣть хоршее платье. Мюрже узналъ объ ея смерти слишкомъ поздно, чтобы потребовать ея тѣло,—ее отправили уже въ анатомическій театръ.

Больше всего соотвѣтствуетъ своему оригиналу Мюзетта. Это была настоящая типичная гризетка, съ нѣсколькими неправильными чертами лица и всегда насмѣшливой улыбкой.

За то фигура ея была до такой степени безупречна и красива, что всѣ художники желали имѣть ее моделью и нерѣдко заблаговременно просили о сеансѣ. Сердце ея легко воспламенялось. Не справляясь о томъ, есть ли у предмета ея склонности копѣйка за душой, она подчинялась мимолетной своей страсти, которая, конечно, и охлаждалась такъ же быстро. Въ одинъ прекрасный день, пресытившись жизнью среди студентовъ и художниковъ, она перекочевала на другой берегъ Сены, гдѣ ее ожидали болѣе зажиточные любовники. Она усердно стала тутъ копить деньги, чтобы обезпечить себѣ беззаботную старость. На шестидесятомъ году отъ роду она вздумала съ своими сбереженіями отправиться къ своей сестрѣ въ Алжирь. Но корабль, на который она сѣла въ Марселѣ, „*Atlas*“, пропалъ безслѣдно. Онъ погибъ со всѣми пассажирами и вещами, похоронивъ также и бѣдную Мюзетту.

Красильщица Феми, пріятельница Шоннара, называлась въ жизни Лизеттой, была цвѣточницей и, занимаясь окрашиваніемъ листьевъ, вѣчно ходила съ зелеными пальцами. Шаннъ познакомился съ ней какъ-то вечеромъ въ одномъ маленькомъ Café, гдѣ онъ музицировалъ вмѣстѣ съ своимъ пріателемъ. Она была маленькаго роста, кругленькая, съ темными волосами и голубыми глазами. Несмотря на всю ея необразованность, она нравилась природнымъ своимъ остроуміемъ и своей живостью. Шаннъ заговаривалъ съ ней не иначе, какъ въ самомъ церемонномъ тонѣ, на „вы“, хотя она отвѣчала на „ты“ и сердилась на его нерѣдко непонятныя шутки. Друзьямъ въ „Café Momus“ это всегда доставляло лишнее удовольствіе. Оригиналенъ былъ конецъ ихъ отношеній. Во время одной увеселительной поѣздки, предпринятой какъ-то Шанномъ, Лизетта заболѣла. Возвратившись, онъ засталъ ее еще очень слабой, съ массой неоплаченныхъ счетовъ. Онъ ухаживалъ за ней въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и, чтобы купить ей новое платье для перваго выхода послѣ болѣзни, продалъ свое хорошее зимнее пальто, рассчитывая согрѣваться съ помощью двухъ рубашекъ. Лизетта такъ принарядилась въ первый свой выходъ, какъ только можетъ устроиться парижанка съ самыми скромными средствами. Напѣвая вполголоса, поцѣловала она въ щеку своего друга, сбѣжала съ лѣстницы и болѣе не возвращалась! По выраженію Шанна, она страдала распространенной въ ихъ кварталѣ болѣзью побѣговъ.

Одна изъ прелестнѣйшихъ сценъ въ романѣ Мюрже—гдѣ нѣкто, за недостаткомъ хорошаго обѣда, довольствуется сыромъ и виномъ, воображая притомъ, что этимъ заканчиваетъ роскошный обѣдъ,—вполнѣ соотвѣтствуетъ одному приключенію изъ жизни Александра Шанна. Однажды утромъ вмѣстѣ съ знаменитымъ впоследствии художникомъ Курбе поѣхалъ онъ на прогулку въ Гавръ и переправился въ маленькую рыбачью деревню Nonfleur. Здѣсь они встрѣтили автора „Fleurs du mal“—извѣстнаго поэта Бодлэра. Несмотря на неприглядность ихъ костюмовъ для гостининой, онъ затащилъ ихъ въ виллу богатой своей матери и тамъ угостилъ ихъ. Вечеромъ онъ перебрался съ ними въ Nonfleur и вдругъ рѣшился ночью проводить ихъ въ Парижъ, чтобы хотя нѣсколько встряхнуться отъ монотонной жизни. Онъ увѣрялъ, что въ большомъ количествѣ не переноситъ ни солнца, ни воды и предпочитаетъ всякому соловью часы съ курантами. Пріѣхавъ въ Парижъ, Бодлэръ и Шаннъ уговорились вмѣстѣ позавтракать. Но такъ какъ у перваго въ карманѣ было всего три франка, а у втораго и совсѣмъ ничего не оставалось, то

онъ и надумалъ сейчасъ же раздобыть денегъ. Онъ собралъ дома нѣсколько гравюръ и понесъ ихъ къ рѣге Медичи, ветошнику Саломону, жившему на исчезнувшей нынѣ въ Парижѣ улицѣ Rue de Musée, на площади Карусель. У Саломона, который, дѣйствительно, велъ оригинальную торговлю, была единственная, хорошенькая дочка, хотя и занимавшаяся позированіемъ у художниковъ, тѣмъ не менѣе извѣстная своимъ цѣломудріемъ. Онъ выдалъ Шанну за его гравюры 4 франка, съ которыми тотъ и розыскалъ Бодлѣра. Поэтъ отправился съ нимъ прежде всего къ цирюльнику, гдѣ былъ абонированъ и доводилъ хозяевъ постоянной бранью и разными претензіями до отчаянія. Затѣмъ онъ повелъ Бодлѣра къ мелкому виноторговцу, кліентуру котораго составляла преимущественно прислуга. Однако Бодлѣра здѣсь очень хорошо знали. Ихъ направили въ заднюю комнату и посадили за столъ, накрытый чистой скатертью. Но единственной закуской подали вкусный бри и двѣ бутылки хорошаго бордо. Бодлѣръ пилъ послѣднее маленькими глотками, какъ знатокъ, и горячо оспаривалъ прозаическій взглядъ Шанна, утверждавшаго, что бифштексъ съ обыкновеннымъ виномъ былъ бы гораздо пріятнѣе подобнаго мнимаго обѣда. На возвратномъ пути передъ своимъ домомъ поэтъ внезапно бросилъ Шанна, не попрощавшись, такъ какъ замѣтилъ часового. Онъ испытывалъ безграничный страхъ передъ оружіемъ въ рукахъ обыкновенныхъ смертныхъ, въ виду того, что, въ случаѣ внезапнаго припадка безумія, они могли злоупотребить этимъ оружіемъ.

* *

Лондонскій лордъ-мэръ и его воцареніе. Воцареніе новаго лордъ-мэра въ Лондонѣ совершилось въ нынѣшнемъ году совсѣмъ не при той роскошной обстановкѣ или вѣрнѣе той театральной обстановкѣ, какая бывала въ прежніе годы. Обычай сопровождать вступленіе новаго лондонскаго мэра въ отправленіе обязанностей разными празднествами, очевидно, начинаетъ выдыхаться.

Въ прежніе годы въ день этого праздника происходилъ большой банкетъ въ Гильдгаллѣ, во время котораго обязательно присутствовавшій на банкетѣ премьеръ министерства произносилъ большую политическую рѣчь съ освѣщеніемъ всѣхъ политическихъ событій. Вся Европа обыкновенно съ нетерпѣніемъ дожидалась этого дня. Но со времени премьерства Гладстона обстоятельства измѣнились. Ни самъ престарѣлый премьеръ, ни кто-либо изъ вліятельныхъ членовъ его кабинета, не сочли нужнымъ не только произносить рѣчи, но даже и явиться на знаменитый банкетъ въ Гильдгаллѣ, и Европа остается безъ